

Алька

Жанр произведения: Детские

Произведение написал автор BookBox Михаил Блатник

Ссылка на публикацию

В летнем лагере на крутом берегу Молочного лимана жизнь шла своим чередом и ничего не предвещало беды в этот прекрасный солнечный день. Дети купались, загорали, веселились. Алька уже накупался и пришёл встречать почтовую машину. У него сегодня день рождения. Своё двенадцатое лето он отмечает далеко от родного дома. Тут совсем не то, что привычное с детства село. В лагере всё по-другому: два ряда дощатых домиков выстроены по обе стороны просторной поляны между лесом и отвесным очень древним обрывом. Образовался обрыв, наверное, со времён сотворения Земли. От солёных ветров и солнца красная глина его потемнела, и побуревшая стена изрыта черными оспинами. В этих норках каждое лето поселяются юркие стрижи и оживляют угрюмую глину. Никогда ещё Альке не доводилось так остро испытывать чувство сиротства. Одна беспредельность лимана радует глаз. Широта разлива напоминает родную степь, с той лишь разницей, что нет на ней зелёной травы, и в тихую погоду гладь воды сияет так, что глазам больно смотреть. Вторую неделю донимает безветрие и невиданный зной. Духота, сухость кажутся нескончаемыми. Уже никому не верится, что бывают дожди, сырость, прохлада. Сегодня Альку освободили от всех лагерных обязанностей. Он сидел в тени вековых акаций, поджидая почту и удивлялся, почему до сих пор нет машины. "Тяжёлое нынче лето!" - ворчали старожилы. По добрым временам в такую пору,

когда ночи короче воробьиного скока, рыбаки целыми днями пропадают далеко от берегов. Они с зарёй уходят на моторных баркасах за горизонт и до заката работают: вытряхивают пойманную рыбу, переставляют целые и заменяют порванные или запутанные сети. Возвращаются в сумерки, а иногда и затемно. Но безветрие и жара переиначили привычный уклад жизни. Рыба залегла и в сети не идёт. Ветры и волны не путают снасти, и в море делать нечего. Рыбакам пришлось косить траву. Обычно этим занимаются женщины и подростки. Они обкашивают лесополосы, гнилую балку, территории лагерей, а сегодня косят рыбаки и проклинают всё на свете. Трава пожухла, загрубела, спуталась, точно проволока, и косить её нет никакой возможности. Им приходится часто прятаться в тень и отбивать затупившиеся косы. Рубахи на косарях взмокли. Пот выедает глаза, а на бледной синеве неба опять нет ни одного, даже крохотного облачка. - "Ох, и пекучий выдался июнь," - басил седой рыбак, совал чёрный указательный палец в рот, слюнявил его и поднимал высоко над головой, пытаясь уловить хоть малейшее дуновение. Но напрасно: воздух был неподвижен. - Во, печёт! Во, шпарит! Точно беду накличет, - пыхтя чубуком, не унимался старик. - Да, припекает! Кабы бурю не напекло! - поддакивал долговязый парень в тельняшке. - Такое уже было раз! Так дунуло, что вмиг все крыши снесло. - Ох, не дай, ни приведи! Сохрани и помилуй! - размашисто крестясь, запричитал седой рыбак. Алька слушал их разговор и тоже частенько поглядывал на небо, вертел вихрастой головой, и очень волновался, чтоб погода не испортилась. Он мечтал о другом. Вдали, на плоской воде тонким штрихом темнел островок. Его все называли Птичьим. Изредка оттуда прилетали белоснежные чайки. Они кружились над лагерем, прижимая красные лапки к белому брюшку, кого-то жалобно окликали и к полудню улетали на свой остров. "Эх, добраться бы туда, посмотреть как там птицы живут!" - размечтался он. Но все перепутал его величество - случай. Машина с почтой приехала поздно. Для Альки письма не оказалось. Поселковый почтальон Татьяна Павловна, разбирая газеты, журналы и письма, поминутно смахивала ребром ладони с лица пот и жаловалась водителю: - Жарынь такая, а тут телеграмма срочная от военкома бакенщику Платону. Как в такую спеку тащиться на маяк? Хотя Платон Афанасьевич был смотрителем маяка, его все называли бакенщиком. У Альки сердце сжалось от жалобы письмоносицы. Не раздумывая, он вызвался доставить телеграмму. Аккуратно сложил её, сунул в свою линялую кепку, натянул козырьком назад, и, с благословения воспитателя и благодарной почтальонши, помчался на маяк. Бежать по кромке воды мелководной лагуны - сплошное удовольствие. Жемчужные брызги, искрясь и переливаясь всеми цветами радуги, осыпают приятной прохладой. И жары - как не бывало. Добрался он быстро, но невольно задержался у тропинки, поднимающейся к маяку. Перед ним красовался новенький одноместный катамаран с красными надписями 'Стрим'. Яркие, пахнущие свежей краской, надписи были везде: на

серебристых понтонах, на спинке сидения и даже на спасательном круге. Этот красавец очень отличается от лагерных двухместных водных велосипедов на пластиковых понтонах с двумя сидениями и неудобными педалями. На нём всё по-другому: продолговатые понтоны из баков для самолётного горючего скреплены прочной рамой с полумягким сидением, настоящим штурвалом от самолета и удобными педалями. За сидением - ящик для инструментов и якоря, надёжно закрепленного к раме капроновым канатом. Одним словом, как надо. "На такой штуке можно запросто на остров сходить," - прикинул Алька, поднимаясь к дому бакенщика. Он вручил Платону Афанасьевичу телеграмму и попросил разрешения покататься. - У меня сегодня день рождения - негромко добавил он. Бакенщик улыбнулся, окинул добрым взглядом крепко сбитого мальчишку, поблагодарил за доставку телеграммы, пожал ему руку и сипловатым голосом добавил: - Ты хоть и крепкий малый, но далеко не ходи. Вода не спросит, кто за рулем. Вдоль мола катайся. Там нет глубины. Случай чего, якорь бросишь. Ишь как восток насупился! - и, чтоб добраться засветло в город, заторопился на попутную машину. Терпеливо выслушав наставления, Алька в один миг слетел по тропинке и ловко уселся на удобное сидение. К причальному канату привязал спасательный круг, бросил его на воду и крутанул педали. Гребные колёса, вспенивая воду, весело зашлепали лопастями, осеребряя брызгами круг на буксире. Набирая скорость, понтоны послушно заскользили вдоль мола в сторону острова. А вот и пролив. Теперь остров был совсем близко. Около одной морской мили отделяли Альку от мечты. Запад по-прежнему припекал раскалённым добела солнцем, а с востока бесшумно надвигалась чернота. Незаметно для себя Алька одолел половину пролива. Под ним темнела глубина, над ним сияла безмятежность неба. На острове кипела жизнь. Уже было хорошо видно, как суетятся птицы. Их было много: одни кружились над водой, стремительно падали, ныряли и снова взлетали, другие плавали у берега, затем выходили и, важно покачиваясь, расхаживали по песчаному берегу. Ослепительный зигзаг молнии одним росчерком раскроил черноту востока. Алька вздрогнул. Гром катился долго, будто обегал всю водную равнину лимана, потом запутался в камышах, притих, а когда выбрался на волю, угрожающе заурчал с новой силой. В один миг птицы исчезли. Порыв холодного ветра сморщил глянец воды. За ним последовал второй, но крепче и холодней, следующий хватил так, что Алька едва не задохнулся. Вместе с ветром заскользили по лиману темные полосы ряби. С острова в воду тучами полетели перья, сухие листья и всякий другой сор. Катамаран остановился. Алька поспешно развернул его и, что было духу, завращал педали. Грузная туча неумолимо наползала на солнце. Сизый шипящий туман уже висел над островом. Алька старался изо всех сил успеть к мелководью. Попутный ветер помогал парнишке удирать от взбесившейся стихии. Внезапно воздух закружился, и резко сменил направление. С неистовым гулом он понесся с моря. Вода

раскачалась бегучими буграми, и потащила 'Стрим' в открытый лиман. На потемневшей воде заплясали белые буруны. В лицо полетели брызги и клочья пены. Теперь катамаран совершенно не слушался. Алька бросил якорь, но канат оказался коротким. Лёгкое судёнышко с каждой волной быстро уходило от спасительной суши. Огненный край тяжёлой тучи погас, и ясный день померк в одно мгновение. В наступившем сумраке небо сделалось тугим. Оно опустилось до самой воды и разразилось студёным звенящим ливнем. Молнии, опережая друг друга, с шипением и оглушающим треском пронзают гудящий сумрак. Громы слились в единый гул и сотрясают всё на свете. Дождь ледяными струями безжалостно хлещет беззащитное тело мальчишки. Холод пронимает до костей. Горячие слёзы потекли по настывшим щекам крепыша. Он уже искренне сожалел, что спасательный круг болтается на привязи за катамараном, который, как назло, все опаснее кренится, раскачивается и зловеще поскрипывает. Сильное течение и свирепый ветер неотвратимо уносят лёгкое изделие рук человеческих всё дальше и дальше от берега. Ни огонька вокруг. "Только бы не сорваться!" - тревожился Алька. Доходя до изнеможения от холода и усталости, он крепко держал скользкий руль и отчаянно сопротивлялся. Вдруг невиданной силы рывок поставил катамаран вертикально. Руль будто вырвали из рук и мальчик полетел в неистово бурлящую воду. С губительным шелестом вода сомкнулась над ним. Погружение длилось долго. Тяжелый спазм сжал горло. В ушах зазвенело. Существо несчастного горело жаждой воздуха. Сквозь стиснутые губы настойчиво вырывались пузырьки последних запасов. Помутнённое сознание явило радужные блики. Алька резко взмахнул руками. Потом ещё и ещё. Силы таяли с каждым взмахом. Словно пробка, почти по пояс вылетел он из воды, как раз там, где якорный канат был туго натянут. Холодный ветер отрезвил мгновенно. Алька успел ухватиться за канат. Руки стыли, немели, но держали. С большим трудом вскарабкался он на пляшущий катамаран. Рискуя быть сброшенным в бурлящую пучину ещё раз, Алька всё же вытащил спасательный круг, надел его, привязался к спинке сидения верёвкой и только тогда успокоился. По рывкам он догадался, что якорь за что-то зацепился. Катамаран больше не дрейфовал. Он нырял в набегающие волны, дергался, подпрыгивал, раскачивался из стороны в сторону, как поплавок, и создавалось впечатление, будто плывёт навстречу волнам. Неожиданно ветер замолчал так же внезапно, как налетел. Сполохи зарниц засверкали далеко и всё реже озаряли растрёпанные тучи. Водяные валы округлились. Пропасти между ними сгладились, посветлели. Теперь волны катились широко и спокойно. Они больше не пенились и не швырялись липкой пеной. Тревогу в лагере забили ещё до шторма. Воспитатели с фонарями и запасной плащ-палаткой, отправились по берегу лагуны к маяку. Но лишь промокли зря. Альки не было нигде. Смирившись с отчаянным положением, продрогший малец поднял ноги на сидение, прижал их к груди и обхватил холодные голени руками. Он

окончательно выбился из сил. Покачиваясь на убаюкивающих волнах мертвой зыби, крепыш забылся тревожным сном. На рассвете рыбаки пошли на своих баркасах к проливу спасать сети. Это была их привычная работа, и косить ненавистную траву им сегодня не придётся. На том месте, где стояла первая сеть, они в рассветных лучах ещё издали заметили что-то серебристое, а когда приблизились - нашли пропажу. Алька всё ещё был в забытьи, когда крепкие руки седого рыбака распутали верёвку и сняли мальчишку с промокшего насквозь сидения. Парнишку уложили на ватник, растёрли крепким горячительным напитком, и хорошенько укутали. Проснулся Алька от жары и мягкого толчка. С тихим шорохом баркас ткнулся смолёным чёрным носом в белый песок лагерного пляжа. После тревожной штормовой ночи лагерь зажил радостью нового дня.